

Посреди пустого пространства

Анастасия Бойцова

Песнь песней

Между трепещущими верхами
Нот – оборвавшееся дыхание:
Аудиторию убаюкав,
Грэнало то, что звучнее звука.

В замерший зал тишине навстречу
Хлынуло то, что мощнее речи.
Словно часы перестали тикать:
Есть тишина посылшнее крика

То... щих (Если кричат – не тонут!)
Есть немота пострашнее стога.

В мире рождаемых и невечных
Есть «ничего», пред которым «ничто» –
Прах, и оружий слабой ногой.
Есть пустота – перетянет горы!

Есть в этом мире жулющей плоти
Миг – как над пропастью; как на взлете;
Как перед залпом из всех орудий:
Это – когда между рукой и грудью

Нет ничего – ни «вчера», ни «завтра»,
Это – прислушаться, и внезапно –
Вдох – округлившись надбровья –
И перебой в барабанной дробь

Сердца. Прервавшееся течение
Времени. Вакуум Торричелли,
Резьм ворвавшийся в альвеолы.
М... и вчера, ни во время оно

Не предусмотренный: что? отколе?
Звонкая трещина в чашкоколе
Пульса. Секунды седьмая доля.
Вечности вкус, под моей ладонью

Тающий. Треснувшее кормило.
Лулкая впадина в ходе мира.
Не от таких ли Твоих верховий
Рухнули стены в Иерихоне?

Не о таком ли гадал мгновенье,
Фауст? Под ребрами – чуть левее –
Меж развернувшимися плечами...
Времени больше не ощущаю.

Легкий озноб, охвативший темя:
Миг отмененного тяготенья.

Во отрицание всех законов
Мира – под чьей-то, едва знакомой
Внешностью, плотью, костями –
бездна,
Вдруг приоткрывшаяся. Небесный

Гром из безоблачной лазури.
Шире отверстие, чем Везувий
Звуча, чем Слово, что б в начале –
Все красноречие умолчания.

Весь мир обезлудел. Ты здесь один.
Родившийся миг назад,
Взгляни на нее и глаз не своди,
Покуда терпит глаза.

И знай об одном: что нынешним днем
Тебя поразило то,
Что если уж бьет, то громче, чем гром,
И яростнее, чем ток.

Что краткий миг равняет к годам,
Зовет блаженством беду...

Ты – первый из первенцев. Ты Адам.
Сраженный громом в саду.

Переча велению трех фортун,
В насмешку всем номерам,
Сквозь радугу слез и горечь во рту
Ты будешь весь вечер глядеть на Ту,
Которую Не Выбирал.

И знай, что все остальное – дым,
Мишурный пустой азарт.
И нет бриллиантов такой воды,
Как влага в твоих глазах,

Что жжет и жаждет уже давно
Сбежать по впадинам щек...
Не надо стыдиться. Сегодня в ночь
Ты в рыцари посвящен.

И лишь об одном позволю пожалеть –
Украдкой, из-под руки:
Что ты и сам по прошествии лет
Не вспомнишь себя таким.

Забудешь, дав себя закружить
Течению вещей и лиц,
Что в эту ночь воистину жил,
Что боль и слезы были свежи
И прятны, как остролист.

Забудешь: цикады пели в траве
И пахла звездная синь...
Забыв, обесцелясь, ороговев,
Ты так и не сможешь узнать вовек,
Насколько сейчас красив.

Глаза и лицо порастут корой,
И жиром – сердце в груди;
Но есть минута, и нет второй.
Когда любой свинопас – король.
Ты понял меня? – Иди.

Телец

(из цикла «Бестиарий»)
На венценосных полукружьях
Блестит небесная пыльца:
Мое склоненное оружие
Остро, как тернии венца.

Лозой, от времени янтарной,
Мои уста обгарены;
Во мне смятенье Минотавра
И зов Европиной волны;

Но сок, отстоянный годами.
Мирой мечтой заморожен:
Я голос бунта и страданья,
И ропот жертвы под ножом.

Не знает слова «невозможно»
Моя склоненная глава.
Само Священное Подножье
Меня избрало братом льва.

Когда же брат мой желто-яркий,
Не оборачемый никем,
Рыча, стегер в пустыне Марка, –
Я был хранителем Луке.

Мой глаз – как выписанный кистью
Или вкрапленный в монолит;
Я – первому иконописцу
Держатель первой из палитр;

В моем безудержном влеченье
Искала поднятая кисть
Глаза Венеры Боттичелли
И Гойи жаркие зрачки.

Я раб Владычицы, что крепи
Земные держит на весу;
Я – все, прикованные цепью
К ее державному кольцу;

Влагая Альфу и Омегу
В чужую хрупкую ладонь,
Я – все истерзанные негой
И окрыленные страдой,

И в небо мой чеканный корпус
Их упования возвели...
Во мне смиренье непокорства
И вся неистовость земли.

Блажен, кто целый мир окинул глазом
И отпил по плотку из разных рек;
Блажен, кто мог влюбиться раз за разом,
Не позабыв о брате и сестре.

Блажен, кому гроза и ветер с моря
Вспахали котловины впалых щек;
Блажен не тот, кто видел мало моря,
А тот, кто видел что-нибудь еще.

Кому до срока выбелило брови,
Кто жил, долготерпенье не участь...
Хвала тому, с кем выстрадаю вровень,
А пережито – тысячная часть.

Блажен, кто шел, как жил:
за милей милля,
Кто был один, не принимая мук;
Кто всем дарил: улыбку, ночь, полмира –
Но жизнь свою не отдал никому;

Кто вечно запивал губами – губы,
Вино – вином, до нового пути...
Он избежал Проклятья Однолюба –
Будь счастлив, кто его не ощутил.

Будь счастлив. Как судьба
ни истрепала
И душу, и черты его лица –
Он знал лишь пену с этого бокала,
И проклят тот, кто выпил до конца.

И проклят тот, на чьем
тщедушном теле
Эюйд-Вест не положил свои кресты;
Кто по ночам на собственной постели
Познал жаровни всех земных
пустынь;

Кто не постиг науку странствий
дальних,

Пространствовал в аду своей души...
Будь проклят осужденный
на страданья.
Он жил. Он ничего не совершил.

Блажен, кто будет хвастаться,
что пожил,
Покинув наши бранные места!
А сердце что? – Шагреневая кожа.
И той осталось ровно на пятак.

Не плачь! Улыбаться настала пора.
Сзывает труба свою пеструю рать,
И, ветром серебряный стег полоща,
Ведет ее Время в узоре плаща.
И, бело блистая, за стягом своим
Уносятся стаи
В Иерусалим!

Ковчег нашей тайны плющами обвит,
Звенят о борта его волны любви,
Мы с детства ища его, жаждем найти,
Но он означает начало пути.

Я вдали уведу свой невидимый бег,
А сердце и душу –
Оставлю тебе!

Струятся дороги по спицам хребтов,
Уводят от родины в синий восторг.
Но тропы иные торопятся вширь:
Да славятся ныне скитальцы души.

От гор небывалых до синей земли
Идут караваны
В Иерусалим!
Года утекли, как меж пальцами пыль,
И вот уже – клином, сорвавшись с
тропы.

И ветер гадает: сбьлось – не сбьлось,
И светит звезда с запыленных волос.
Когда унесем в сиреневый дым,
То первое солнце
Отмоет следы.
Недолгое счастье, короткий ночлег,
Прощайте! – Прощайте! –
как летошний снег.

Войсками без крови, сражений и карт,
Невиданным строем уходят в закат.
Во всем поднебесье с туманных долин
Уносятся песни
В Иерусалим!
К небесному граду, пройдя Вавилон,
С любимыми рядом, крыло о крыло,
Пока в синеве ваш нетающий след,
Искавшие неба на нашей земле!
По горной тропе в свой
последний побег...

А голос и песню –
Оставлю тебе!